

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 21-го декабря 1903 года.

Афанасій Прокопьевич Шаповъ.

А. П. Шаповъ былъ по происхожденію коренной сибирякъ. Предокъ его, крестьянинъ Шаповъ, поселился въ только что возникшей Ангинской слободѣ въ 1693 году. Отъ этого крестьянскаго рода Шаповыхъ отъбѣгали въ послѣдствіи „духовная линия дьячковъ и пономарей, женатыхъ болѣею частью на крестьянкахъ и жившихъ совершенно по крестьянски“. Сознаніе своего родства съ чернымъ, рабочимъ народомъ было одною изъ важнѣйшихъ чертъ духовной физиономіи Шапова и придавало ей своеобразный отпечатокъ.

Онъ учился въ иркутской бурсѣ и иркутской духовной семинаріи, гдѣ учатся дѣти духовенства. Последнее часто любитъ проводить рѣзкую грань между собой и крестьянствомъ; между нимъ и народомъ существуетъ напряженное враждебное чувство. Но Шаповъ былъ изъ низшихъ слоевъ духовенства, не обильно участвующихъ въ сравнительномъ благосостояніи верховъ. Дьячки и пономари ближе къ народу. А Шаповъ былъ изъ очень бѣдной семьи пахаря-дьячка.

Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ развиты начала товарищеской солидарности и дисциплины; своеобразная община направляетъ жизнь закрытаго учебнаго заведенія. Въ старыхъ учебныхъ заведеніяхъ это общинное начало сказывалось ярче какъ своими положительными, такъ и отрицательными сторонами.

Товарищи Шапова по академіи, оставившіе свои воспоминанія о немъ, отмѣчаютъ нѣкоторые поступки, свидѣтельствующіе объ его индивидуалистическихъ наклонностяхъ, о протестантскихъ отклоненіяхъ отъ общаго темпа жизни. Но тутъ нѣтъ противорѣчій. Сибирскій крестьянинъ вѣчно ворочитъ по адресу общества, постоянно воюетъ противъ міра, но не выходитъ изъ него и начинаетъ энергично сопротивляться, когда затрогиваютъ общинныя начала. И Шаповъ, становясь въ разрѣзъ съ непривившимся ему формами и явленіями товарищеской жизни, долженъ былъ признать общія ея начала тѣмъ-то естественнымъ, необходимымъ, само собой подразумевающимся.

Жизнь и въ бурсѣ, и въ семинаріи была тяжелой, преподаваніе схоластическое, безпорядочное.

Въ 1852 году Шаповъ, въ числѣ „лучшихъ учениковъ“, былъ отправленъ въ казанскую духовную академію. Это была тяжелая пора въ исторіи русской общественности. Съ 1848 года литература, въ которой искали выхода запросы высшаго порядка, находилась въ приданномъ состояніи. Умеръ Бѣлинскій, пылкій и благородный темпераментъ котораго рвался наружу черезъ всѣ загородки и стѣны и заставлялъ прислушиваться и волноваться высшими интересами. Кризисъ близился. Но было жуткое переходное время.

Не замедля кабинетная научная работа. Въ области русской исторіи наиболѣе живые вопросы разрабатывались тогда славянофилами и примыкавшими къ ихъ настроенію, если не направляемымъ, учеными. Первые русскіе историки (Шлецеръ, Карамзинъ и др.) были „государственники“, т. е. ихъ интересовали политическія судьбы русскаго государства, исторія учреждений, исторія взаимоотношеній съ сосѣдями. Народъ „безмолвствовалъ“ въ историческіхъ трудахъ XVIII и первой половины XIX вѣка. Имъ не интересовались и его судьбы были скрыты за пестрымъ переплетомъ внутреннихъ и внѣшнихъ событий.

Обратиться къ изученію народной жизни, въ большинствѣ случаевъ лишенной эффектныхъ событий и бьющей въ глаза фактовъ, заставили причины теоретическаго и жизненнаго порядка.

Многомиллионная масса русскаго народа представляла для себя „рабовъ“, положеніе кото-

рыхъ заставляло скорбѣть сердца лучшихъ русскихъ людей и краснѣть просвѣщенныхъ представителей общества. Это „большое мѣсто“ русской общественности должно было постоянно приковывать вниманіе. И когда накопилась достаточная сумма знаній, умѣнья наблюдать и познавать, съ знаменитаго Радищева начался рядъ лицъ, занятыхъ изученіемъ народнаго быта, народнои жизни.

Та же общественная „боль“ обострила и правила теоретическую мысль въ русскомъ обществѣ. Исходнымъ пунктомъ были привычныя вопросы о судьбахъ государства, о политическихъ формахъ, объ исторіи и будущемъ русской государственности. Къ нимъ стали примыкать обострившійся вопросъ о роли личности, приниженной и начинавшей чувствовать свою пригнетен-

А. П. Шаповъ.

ность. И если такъ называемые „западники“, отправляясь отъ настроеній и тяжелыхъ условій современности, видѣли выходъ въ усвоеніи западно-европейскихъ формъ политическаго быта, то ихъ противники — которыхъ нѣсколько одно-сторонне называли „славянофилами“ — находили современная злоупотребы лженіемъ наносныхъ, случайнымъ, извращеніемъ нормальныхъ национальных формъ жизни.

Чтобы опредѣлить это „нормальное“, „исконно-русское“, надо было обратиться къ изученію исторіи. Современные формы признавались ненормальными; ближайшее прошлое было такого же характера. Надо было опредѣлить, гдѣ же кончалось „свое“, нормальное, и начиналось извращеніе. И механически, направляясь установленными взглядами, мысль устанавливала дату — реформы Петра В., котораго уже современники считали творцомъ новой Россіи и полнымъ разрушителемъ старины („однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ“ — Неплюевъ; „воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію“ — Феофанъ Прокоповичъ). Это воззрѣніе, отводившее исключительную роль ипистивъ и воле одного человѣка, не могло, своею механичностью, удовлетворить научнаго отношенія къ вопросу.

Люди, болѣе научно и философски подготовленные, стали глубже изучать историческіе источники, стали въ общемъ историческомъ ходѣ искать объясненія измѣненій народнои жизни. Явился вопросъ о болѣе полномъ и глубокомъ изученіи того, что считать исконно-народнымъ, настоящимъ русскимъ, что изъ себя представляетъ самъ народъ, какія формы и какой характеръ онъ могъ дать своей жизни; какъ сказались „народный духъ“. И когда былъ поставленъ этотъ вопросъ, изученіе исторіи становилось уже на научную почву.

Славянофилы и писатели, примыкавшие, по своимъ научнымъ интересамъ, къ нимъ, дали къ срединѣ XIX вѣка нѣсколько очень инте-

ресныхъ изслѣдованій народнои жизни, дали вмѣстѣ съ тѣмъ, направленіе работамъ молодыхъ ученыхъ.

Два наиболѣе оригинальныхъ русскихъ историка того времени, Костомаровъ и Шаповъ, тѣсно примыкаютъ къ этому направленію.

Основнымъ пунктомъ своей теоріи, на ряду съ началомъ „областности“, „земской союзности“, Шаповъ провозгласилъ „народъ, духъ народный, творящій исторію.“

Еще одно обстоятельство отмѣчается біографіями Шапова. Во время Севастопольской войны въ казанскую академію была перевезена богатая рукописная бібліотека Соловецкаго монастыря. Богатый матеріалъ по исторіи народнои колонизаціи сѣвера Россіи попалъ въ руки Шапова, со свойственной ему горячностью и усидчивостью принявшагося за изученіе.

Какъ работникъ, Шаповъ зарекомендовалъ себя и въ глазахъ профессоровъ, и въ глазахъ сотоварищей. Одинъ изъ послѣднихъ разсказываетъ, что Шаповъ работалъ часовъ по 17 въ сутки, стоя за конторкой, почти не отходя. На полу отъ его ногъ образовались углубленія, и студенты совершали шуточныя паломничества, чтобы видѣть „ямы новаго столпника Афанасія“.

За сочиненіе по исторіи русскаго раскола Шаповъ былъ оставленъ при академіи, какъ бакалавръ, и въ слѣдующемъ году началъ читать курсъ русской исторіи, продолжая работы по изученію источниковъ. Послѣдніе онъ уже вводилъ въ свой курсъ, какъ матеріалъ, и частью использовалъ для ряда статей, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издававшемся при академіи подъ руководствомъ ректора. И въ первомъ своемъ курсѣ, къ сожалѣнію, сохранившемся лишь въ позднѣйшей обработкѣ, въ „Историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія и суетвѣрія“, и въ статьяхъ, Шаповъ старался вскрыть реальное религиозное міросозерцаніе народа въ до-монгольскій періодъ. Исходя изъ вѣрнаго историческаго положенія, что религиозная догма не есть выраженіе религиознаго сознанія даннаго народа и данной эпохи, а лишь одинъ изъ элементовъ его, Шаповъ набрасывалъ интересную картину, которую давалъ синкретизмъ языческихъ древне-русскихъ религиозно-миологическихъ представленій и христіанскихъ вѣрованій. Боги русскихъ язычниковъ стали святами русскихъ христіанъ, а вмѣстѣ съ ними остались религиозно-нравственные представленія язычества, измѣненные христіанскою догмой, но и воздѣйствовавшими на формы усвоенія ея... Жизнь народа развивается естественно, въ условіяхъ мѣста и времени, и не можетъ быть измѣнена опредѣленными актами отдѣльныхъ лицъ или учреждений. Это касается и духовной, и физической, матеріальной стороны народнои жизни.

Главнымъ факторомъ, устроившимъ, по мнѣнію Шапова, народную жизнь, было колонизаціонное, естественно-географическое движеніе славяно-русскаго земледѣльческаго племени. Расширяясь въ „черныхъ лѣсахъ“ пашни, строя „починки“ и деревни, народныя массы двигались, направляемые естественно-историческими условіями. Пути движенія пролегали по долинамъ рѣкъ и рѣчкамъ. Народныя массы и развѣтлялись по ихъ теченіямъ, создавая отдѣльные, самостоятельныя „міры“, общины, съ тѣсной внутренней связью, но особенные отъ другихъ такихъ же „міровъ“. „Міръ“ устраивалъ хозяйственную жизнь общинниковъ, являлся высшимъ администраторомъ и судьей въ лицѣ „мирскаго схода“ и выбиралъ свои исполнительные органы въ лицѣ „излюбленныхъ“ головъ и старостъ. То же было въ городкахъ у „посадскихъ людей“, съ ихъ городскими сходами и выборными. Но, какъ рѣки и рѣчки сливались въ рѣчную систему, такъ и крестьянскія и посадскія колоніи соединялись въ группы, союзы „міровъ“, въ волостныя, уѣздныя и областныя общины, устраивавшія свои общія дѣла при помощи волостныхъ, уѣздныхъ, областныхъ

совѣтовъ, соборовъ. И, наконецъ, всѣ области „смыкались“ въ одинъ общій русскій „міръ“ съ земскимъ соборомъ во главѣ. Въ исторіи „федерации русскихъ областей“ Шаповъ отмѣчалъ двѣ „последовательно-преемственные формы“—*особенно-областную*, выразившуюся въ мѣстно-уездной междусоборной борьбѣ областныхъ общинъ, и *соединенно-областную*, завершившуюся, послѣ последней борьбы областей, въ эпоху смуты, въ рѣшеніи мѣстныхъ земскихъ соборовъ—„быть въ соединеніи“.

Расколъ и его исторію Шаповъ ставилъ въ тѣсную связь съ исторіей „земства“. Когда наступила рѣшительная борьба между послѣднимъ и другимъ политическимъ элементомъ, въ расколѣ выразился протестъ земскихъ людей противъ разрушенія народнаго уклада жизни, ихъ оппозиція.

Безъ сомнѣнія, рисуя такую картину политической и социально-экономической жизни народа, Шаповъ долженъ былъ сильно *систематизировать* матеріалъ. Историческая народная жизнь не отлилась въ законченныя учрежденія, не дала „писаннаго закона“, она направлялась могучимъ, всѣмъ понятнымъ и естественнымъ обычаемъ, естественно-историческими условіями... Но также несомнѣнно, что содержаніе этого прошлаго народной жизни можетъ быть сведено въ такую картину. Обобщеніе вѣрно. Даже въ исторіи болѣе просвѣщенныхъ и политически-развитыхъ странъ, гдѣ историкъ имѣетъ дѣло съ кристаллизировавшимися учрежденіями, современными эпохѣ политическими формулами, онъ часто долженъ подмѣнять и исправлять эти формулы, ставить свои. Въ построеніяхъ Шапова можетъ быть отмѣчена разница не качественная, а количественная. Ему приходилось больше самому формулировать, давать опредѣленіе тому, что дѣйствовало безсознательно, стихійно, что достигалось эмпирически.

Шаповымъ ярко сознавалась неудовлетворительность постановки изученія русской исторіи. Ему казалось, что изученіе должно начать съизнова, пересмотрѣть всѣ вопросы. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ должна была ощущаться недостаточность его теоретической подготовки, обихихъ научныхъ знаній.

Особенно хороши статьи Шапова въ журналѣ „Вѣкъ“. Это блестящая попытка, опираясь на изученіе исторіи народа, дать отвѣты на вопросы современности. Еще въ Казани, бесѣдуя со студентами, Шаповъ указывалъ на невозможность „создать что-нибудь новое или поддержать отжившее, наперекоръ историческимъ основаніямъ; даже гениальное творчество, равно какъ и самая фанатическая любовь къ старинѣ, должны волей неволей подчиняться закону исторической последовательности“. Надо познать потребности, инстинкты, желанія, вѣковыя исканія народа. „А народъ выразилъ ихъ уже въ своей прожитой исторіи, выразилъ нестройно, нескладно, только лишь естественно, потому что не доставало искусственности и рациональности, той европейской рациональности, какую долженъ былъ внести въ Россію Петръ Великій. Онъ внесъ это вспомогательное, существенно-необходимое, начало нашей *новой исторической жизни*“. Указывая на ответственность самоопредѣленія, самоустроенія древняго русскаго „міра“, Шаповъ и современныя реформы считалъ необходимыми начать снизу, съ организациі сельскихъ міровъ, на началахъ исконнаго русскаго самоуправленія, и отъ нихъ уже, на тѣхъ же началахъ, продолжать организацию болѣе крупныхъ земскихъ единицъ и, наконецъ, центральнаго управленія.

Въ Петербургѣ съ популярнымъ, оригинальнымъ писателемъ познакомилась одна изъ симпатичнѣйшихъ женскихъ личностей, образованная, умная дѣвушка, О. И. Жемчужникова, и вышла за него замужъ. О. И. задалась миссіей помочь даровитому ученому, очень безпорядочному и несчастному въ личной жизни.

Въ 1865 году Шаповъ былъ сосланъ и поселился съ женою въ Иркутскѣ.

Первое время онъ живетъ здѣсь надеждой на скорое возвращеніе и поддерживаетъ прежнія связи съ петербургскими редакціями, и лишь съ 1869 года тѣсно примыкаетъ къ мѣстной научной работѣ, въ качествѣ дѣятельнаго члена сибирскаго отдѣла географическаго общества. Его имя заняло почетное мѣсто среди мѣстныхъ научныхъ дѣятелей на ряду съ Чекановскимъ, Дыбовскимъ и др.

Нѣсколько статей въ „Извѣстіяхъ“ отдѣла и въ газетѣ „Сибирь“ было посвящено Шаповымъ исторіи Сибири, въ которой онъ видѣлъ продолженіе колонизаціоннаго движенія великорус-

свою жену, Шаповъ прожилъ недолго. 27 февраля 1876 года онъ умеръ отъ чахотки, продолжая набрасывать программы для своихъ статей.

Шаповъ любилъ свою родину и горячо желалъ ей добра. Говорятъ, онъ разочаровался въ ней. Дѣйствительность и мечты оказались въ рѣзкомъ противорѣчій. Но тѣ горькія, жесткія, битующія фразы, которыя цитируются, которыя дѣйствительно срывались съ языка покойнаго писателя,—развѣ и онъ не свидѣтельствуя о томъ, что горькое чувство ставилось въ немъ? Не насмѣшку и не холодную разочарованность вызвало невѣжество, эгоистично пошлая жизнь и узость интересовъ сибирскаго общества, а сарказмъ, негодованіе и призывъ къ лучшему...

...Шаповъ-сибирскій писатель не только по происхожденію, но и по своей работѣ въ ней и по той роли, какую онъ игралъ въ исторіи сибирскаго общественнаго самосознанія. Изученіе его сочиненій, которое облегчится ожидающимися ихъ изданіемъ, будетъ имѣть плодотворное значеніе не только въ научно-теоретическомъ отношеніи.

Ландарма.

Нервы.

(Этюдъ).

Нервы... Нервы... Это прямо таки бить, который гнѣвный Творецъ посылаетъ на наше поколѣніе за грѣхи отцовъ. Это—эпидемія, нисколько не лучше той, отъ какой когда-то умерли всѣ первенцы въ Египтѣ.

У меня вотъ уже нѣсколько дней жестокой бронхитъ. Ставлю горчичники, натираю себя какими-то мазями, которыя очень скверно пахнутъ и очень мало помогаютъ. А у меня, вѣдь, отъ рожденія очень слабая грудь и мнѣ строго предписано никогда не простужаться.

Чортъ знаетъ, чѣмъ еще закончится эта исторія. Обѣгать уже всѣхъ врачей и докторовъ медицины и теперь перехожу къ профессорамъ. Сосѣдъ не хочется умирать. Я только что получилъ крупное движеніе

по службѣ и на будущій годъ думаю быть столоначальникомъ. А чахоточный столоначальникъ—это пропія судьбы. Ему все равно никогда не дожить до начальника отдѣленія.

Пятая день не играю въ винтъ, не курю. О гостяхъ и думать нечего: прежде всего потому, что я и дома еле передвигаю ноги, а во вторыхъ—запахъ всѣхъ этихъ мазей не выгоняешь изъ себя и черезъ мѣсяцы.

Мой помощникъ въ канцеляріи ничего, конечно, безъ меня не дѣлаетъ и къ моему выздоровленію накопиль цѣлый ворохъ бумагъ. Не знаю еще, какъ такое промедленіе отозвѣтся на наградахъ.

И все—нервы. Нелѣпые, глупые нервы, совершенно не подходящіе къ моему чину и общественному положенію. Одинъ медикъ, между прочимъ, объясняетъ мои нервы—наслѣдственностью. Ужасно... Оказывается, что въ нашъ вѣкъ очень легко потерять всякое уваженіе къ памяти родителей. Куда-же мы придемъ, если такъ будетъ продолжаться дальше!

Отчасти виноваты, конечно, и этотъ долговязый дуракъ, племянникъ Андрея Семенича. Въ прошлую субботу Василій Захарычъ съ Кондратіемъ Кузмичемъ были на именинахъ у начальницы (они ужъ всегда съуживаютъ втеряться), и нашъ винтикъ разстроился.

Ужасно это скучная исторія: цѣлый вечеръ сидѣть безъ картъ и разговаривать. Тутъ еще нечистый принесъ племянника съ разными глупыми разсказами. Въ серединѣ вечера у меня началась мигрень и я хотѣлъ по добру по здорovu убраться домой, но Анна Алексѣевна оставила ужинать. Очень то мнѣ нуженъ былъ ее ужинъ на прогоркломъ маслѣ.

Сосиски съ капустой были ужасно жирны; это тоже повліяло. Мнѣ, пожалуй, вообще не слѣдуетъ ужинать.

Липовый стволъ.

(Къ ст. П. Н. Крылова: „Кузнечная липа“).

Липовая роща.

(Къ ст. П. Н. Крылова: „Кузнечная липа“).

скаго племени. Въ Сибири это племя пришло въ прикосновеніе съ азіатскими племенами,—и въ результатъ сталъ создаваться новый областной типъ, „не раздѣлявшій въ одинаковой степени признаковъ обихихъ родоначальныхъ расъ“. Изученію этого новаго типа Шаповымъ были посвящены двѣ экспедиціи и рядъ статей въ „Извѣстіяхъ“ отдѣла.

Жизнь Шаповыхъ въ Иркутскѣ была страшнаго тяжела. Они не имѣли достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и жили на скудный заработокъ Шапова отъ изрѣдка появлявшихся въ столичныхъ изданіяхъ статей и Ольги Ивановны отъ небольшого числа уроковъ.

Тяжелая жизнь сломила сначала Ольгу Ивановну, которая умерла въ 1874 году. Потерявъ своего „ангела хранителя“, какъ онъ называлъ

Домой пошел, как и нужно было предполагать, съ сильнѣйшей мигренью и изжогой. Морозъ выдался неимовѣрный, градусовъ до тридцати. Всю дорогу думалъ о племянникѣ и рѣшилъ, что недурно было-бы его высѣчь, чтобы не поваживать на будущее время разстраивать публику своими голодающими и тифозными. Скажите пожалуйста! Какъ будто у насъ нѣтъ подлежащихъ вѣдомствъ для тѣхъ и другихъ. Незачѣмъ позволять каждому совать носъ въ чужія дѣла.

Такъ вотъ, подхожу наконецъ къ своему крыльцу, протягиваю руку, что бы позвонить, и вижу, что у моихъ ногъ копошится какаля-то дрянь. Вглядываюсь. Оказывается—маленькая собаченка, не то болонка, не то пудель, несомнѣнно изъ комнатныхъ. Сидитъ на трехъ лапахъ, а одну подняла вверхъ и такъ отчаянно дрожитъ, что ее прямо всю на воздухъ подбрасываетъ. И вообразите себѣ, что мнѣ эту паршивую собаченку стало почему-то ужасно жалко.

— Ахъ ты, говорю, глупышка маленькая! Привыкла все у барыни въ муфѣ сидѣть, такъ теперь и холодно?

Собаченка смотритъ жалобно и повизгиваетъ. Ну, разумеется, я позволилъ, прошелъ въ свою спальню, раздѣлся и легъ. Все честь честью. Хотѣлъ было, по привычкѣ, почтять «Свѣтъ», да потомъ рѣшилъ, что и такъ уже поздно. Потушилъ лампу, укрывшись хорошенько одѣломъ.

Лежу десять минутъ, пятнадцать, полчаса. Нѣтъ, не спится. А въ головѣ такъ и звенитъ басина этого племянника:

— Представьте себѣ видъ чело-вѣка, который заживо разлагается...

Тыфу, что-бъ тебѣ! И совсѣмъ даже не хочу представлять.

И вдругъ, знаете, вспомнилось мнѣ, что на крыльцѣ сидитъ глупая собаченка и замерзаетъ.

И такъ хорошо вспомнилось, что я даже подъ лѣвымъ глазомъ у нея маленькую подпалинку уви-дѣлъ.

Стучитъ объ доски: стукъ-стукъ-стукъ...

Вотъ еще исторія—хуже заживо разлагающагося. Тотъ, по крайней жѣрѣ, далеко, а эта дрянь гдѣ-то за стѣной, въ двухъ шагахъ, изволить на тотъ свѣтъ отправляться. Даже чудится мнѣ, что я и пискъ ее слышу.

Собака я вообще терпѣть не могу, потому-что отъ нихъ блохи перескакиваютъ. Другой, любитель, конечно взялъ бы ее съ крыльца, когда уви-дѣлъ, а мнѣ даже и въ голову это не пришло.

Начинаю дремать, и вижу, что болонка сидитъ уже у меня на кровати и тянетъ мнѣ подъ носъ свою замороженную лапу.

Вскочилъ, зажечь спичку. Конечно, никого нѣтъ. Прислушался—тихо.

Только начать опять дремать, слышу—визжитъ. — Да хоть пропади ты,—думаю,—поскорѣе, несносна твоя!

Если бы зналъ, что произойдетъ такая скверность, лучше велѣлъ-бы Варварѣ взять ее съ собой на лежанку.

Лежу смирно и уснуть уже не пытаюсь. Голову разламываетъ, капутная отрыжка началась.

На пожарной каланчѣ часы забили. И сторожъ попался такой лѣнливый, ударитъ разъ и минутъ пять отдыхаетъ, потомъ опять ударитъ и опять отдохнуть. Точъ въ точъ, какъ на похоронахъ.

Лежу я и думаю, какъ мнѣ будетъ въ гробу лежать, когда помру. И кажется мнѣ, что болонка будетъ сидѣть у меня на груди, показы-

вать свою отморозенную лапу и нищать. Это до самого второго пришествія-то! Подумайте только.

Рѣшилъ разбудить Варвару и велѣть ей принести собаченку въ комнату, да потомъ стыдно стало изъ за такихъ пустяковъ прислугу беспокоить. Она ужасно нахальная баба. Какъ разъ вообразить, что я пьянъ, или еще что-нибудь такое нехорошее скажетъ.

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше у меня душа ныть начинается.

Зажегъ лампу, взялся за «Свѣтъ». Тамъ тоже всякіе ужасы описываютъ: убиства, поджоги, кражи со взломомъ. Угѣшили, думаю.

Бросилъ господина Комарова подъ столъ, натянулъ кое какъ брюки, надѣлъ на босую ногу калоши, накинулъ шубу и въ такомъ видѣ вы-

успѣлъ часа черезъ полтора и выдѣлать во снѣгъ такая вещи, которая только въ сумасшедшемъ домѣ сниться могутъ. Будто бы принесъ я съ улицы не болонку, а скорбутаго больного, а онъ продолжаетъ заживо разлагаться и съ него всякая дрянь на коверъ течетъ.

Потомъ будто-бы болонка принесла мнѣ сосиски съ капустой—«Въ»,—говорить.—Это изъ меня сдѣланы.

А рядомъ стоитъ племянникъ и баситъ:

— Въ этихъ убожкахъ недородъ повторялся уже четыре года подрядъ. Немудрено, поэтому...

Однимъ словомъ—чужь...

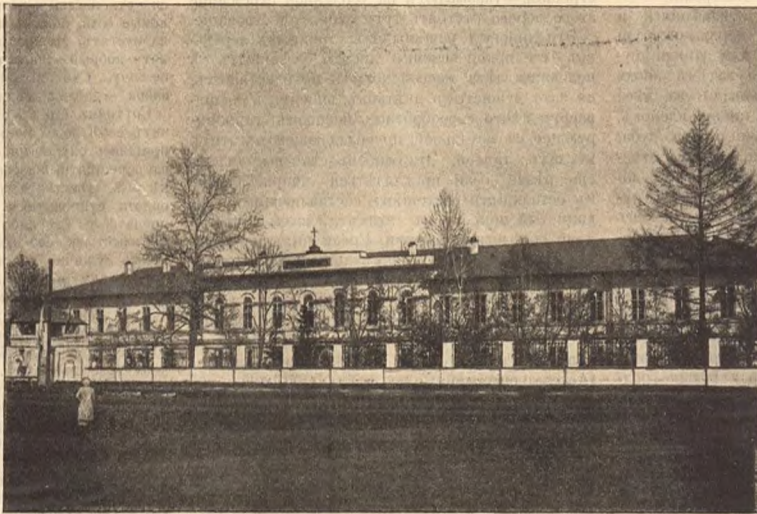
На другой день, конечно, бронхитъ. Коверъ тоже испорченъ. И собака теперь я прямо такъ видѣть не могу... особенно маленькихъ...

Николай Степнякъ.

Кузнецкая липа.

Не привлекательна сибирская тайга, раскинувшаяся широкимъ поясомъ по всему сѣверу азиатскаго континента, почти отъ Урала и до береговъ Охотскаго моря. Не поражаетъ она величіемъ картинъ, не плѣнитъ взора изяществомъ формъ. Угрюмые пихтово-еловые лѣса, лишь тамъ и сямъ прерываемые участками березниковъ и осинниковъ или-же болотами, подавляютъ своимъ безконечнымъ однообразиемъ. Печать какой-то беспорядочности проглядываетъ всюду въ этихъ лѣсахъ. Рѣдко попадается значительный по размѣрамъ участок стройнаго, просторнаго, крупнаго лѣса, съ колоннадой толстыхъ стволовъ и широкими шатрами вѣтвей; обыкновенно-же тутъ смѣсь тѣснящихся другъ къ другу деревьевъ разныхъ размѣровъ; преобладаютъ неслышны, съ тощей, неправильной кроной лишь на верхушкѣ, подъ которой на стволахъ торчатъ сухіе сучья, увѣшанные сѣрыми прямыми кукты или бородатаго лишайника. Тонкія жерди, съ жидкими вѣтвями, молодыхъ пихтъ и елей или сильно вытянувшіеся и изогнутые стволы березокъ невыгодно усиливаютъ густоту. Кой гдѣ выдѣляются своими толстыми стволами старые кедръ; но здѣсь они совсѣмъ не похожи на тѣ роскошно развитыя деревья, которыми восхищаются въ искусственно охраняемыхъ при нѣкоторыхъ деревняхъ рошникахъ. Они не вносятъ здѣсь диссонанса въ общую картину: стволы ихъ также голы или усажены сухими сучьями и съ небольшою, обыкновенно уродливо развѣтвленной верхушкой. Тамъ и сямъ видѣются полу-гнѣздивыя, затѣнутыя жмѣмъ валежниковъ, стланиковъ или бугромъ вывороченной корнями почвы; изогнутые дугой или-же надломленные стволы осинъ съ лежащей на землѣ кроной, сохранившей еще завядшія и почернѣвшіе листья. Вотъ трудно проходимая «домовая гниль» съ накрещенными другъ на друга стволами вырванныхъ бурей деревьевъ, а тамъ гарь съ уныло торчащими подубогорѣлыми стволами и пнями, не успѣвшая еще затянута молодымъ березникомъ или осинникомъ. И все въ томъ-же родѣ безъ конца. Сосновые бора, подѣланные обыкновенно той-же березой и осиною, встрѣчающіеся кой гдѣ по берегамъ рѣкъ, или развитые мѣстами лѣса изъ лиственницъ не даютъ рѣзкихъ контрастовъ и мало нарушаютъ общій тонъ однообразнаго картина.

Но не всегда лѣсная растительность Сибири имѣла такой монотонный, сѣрый колоритъ; въ давно прошедшія времена, когда человѣческая нога не попирала еще ея почвы, именно въ мощную эпоху третичнаго періода, были иные, много-

Видъ зданія Иркутской Духовной Семинаріи.

Бродяги (съ рис. П. Елистратова).

шелъ на крыльцо, собаченку искать. Это въ тридцатиградусный-то морозъ!

На крыльцѣ пусто. Перегнулся черезъ перила, смотрю—лежитъ въ самомъ сугробѣ и уже не шевелится. Спустился съ крыльца, потрогалъ: совсѣмъ холодная и даже твердѣть начинается. Однако-же взялъ я ее подъ шубу, принесъ къ себѣ въ комнату и положилъ на коверъ.

Глаза на выкатъ, точно стеклянные, а хвостъ какъ она спрятала между ногъ такъ онъ тамъ и примерзъ.

Ну-съ, холодный-то воздухъ меня, повидимому, нѣсколько въ чувство привелъ. Смотрю на мертвого пса, и соображаю, что сдѣлалъ глупость, да, кромѣ того, по всей вѣроятности—простудился.

А песь была весь въ снѣгу, началъ оттаивать и на коверъ образовалась грязная лужа. Совсѣмъ скандаль, однимъ словомъ. Взялъ я его поскорѣ за шиворотъ и выбросилъ опять назадъ на улицу.

привлекательные этих, лѣсные ландшафты. Тогда здѣсь красовались лѣса изъ вѣчно-зеленыхъ аралий, *илексов*, *эукалиптов*, *миртовыхъ*, *черноберезниковъ* (*Diospyros*) и другихъ деревьевъ, подмѣшанныхъ мѣстами широколиственными *платанами* и *кленами*. Были и хвойные лѣса, но изъ породъ сходныхъ лишь съ современнымъ гималайскимъ *деодаромъ* и другими, живущими нынѣ въ Индіи. Объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣлствуютъ остатки всѣхъ этихъ растений, сохранившіеся до нашего времени въ береговыхъ толщахъ р. Чулыма недалеко отъ г. Ачинска и въ др. м. Сибири. Эти остатки указываютъ также и на бывшій въ Сибири въ тѣ времена подтропическій климатъ, такъ какъ наиболѣе сходныя съ ними растенія обитаютъ въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ и тропической Америкѣ, въ южной Азіи и въ Австраліи.

Но времена прошли, климатъ измѣнился и сталъ менѣе теплымъ; всѣ эти породы исчезли съ лица земли, вымерли; мѣсто ихъ заняли дубы, формы. Въ послѣдующую затѣмъ эпоху пліоцена въ Сибири господствовали уже лѣса изъ широколиственныхъ породъ, именно кленовъ, липы, орѣшниковъ, буковъ, ясеня, граба, дуба, туюланнаго дерева, планеры и другихъ, отпечатки листьевъ которыхъ были найдены въ долинѣ р. Бухтармы и отчасти также около Томска. Эти широколиственные лѣса, или, какъ ихъ называютъ въ Европейской Россіи—чернолѣсье, весьма сходны съ таковыми, встрѣчающимися теперь въ Европѣ, на Кавказѣ, въ Манчжуріи и др. странахъ умѣреннаго климата. Комбинируясь съ хвойными лѣсами изъ породъ отчасти сходныхъ съ современнымъ нашими пихтами и елями, отчасти-же близкихъ съ нѣкоторыми американскими (напр. *секвойя*—родственная знаменитому калифорнскому мамонтову дереву),—они создавали въ странѣ также нѣны, несли современныя, болѣе живописныя картины.

Но и ихъ пора миновала и они, уступая охлаждавшемуся и измѣнявшемуся въ континентальный климатъ, сошли съ сцены. Нѣкоторыя, составлявшіе эти лѣса, породы тоже не дожили до нашихъ временъ, вымерли; большинство-же другихъ сохранилось лишь въ странахъ, съ соответствующимъ имъ, болѣе благодатнымъ климатомъ, какъ напр. въ западной Европѣ, на Кавказѣ, въ Японіи, Китаѣ и нѣкот. мѣстахъ Юверы Америки. И единственно только липа, изъ всѣхъ серий этихъ древесныхъ породъ, пережила на мѣстѣ всѣ невзгоды, скосившія ея современники, и влѣчить теперь въ чуждой ей обстановкѣ свое жалкое существованіе, коротая послѣдніе дни.

Сохранилась она въ ничтожномъ количествѣ лишь въ трехъ пунктахъ центральной Сибири *); одинъ изъ нихъ находится близъ г. Красноярска **), гдѣ липа уже утратила форму дерева и имѣетъ видъ жалкихъ кустовъ, состоящихъ изъ многочисленныхъ тонкихъ стволіковъ, рѣдко достигающихъ саженой высоты. Раньше, на памяти старожиловъ, она была распространена здѣсь шире и имѣла болѣе разбѣры; теперь же находится, по выраженію испытывавшаго ее Я. П. Прейна, при послѣдней агоніи. Другое мѣстоонахожденіе—на Салаирскомъ краѣ ***); здѣсь липа, обитая въ смѣшанномъ пихтово-еловомъ лѣсу, сохранила еще видъ небольшого деревца, верхушкой до 2 толщину и 2—3 сажени высотой; очень рѣдко попадаются болѣе крупныя экземпляры съ искривленными, а иногда и пригнутыми къ почвѣ, стволами до 4 верхушкой въ діаметрѣ. Тутъ она тоже, повидимому, процветаетъ недолго.

Наконечъ третій районъ ея обитанія находится на западныхъ предгорьяхъ Кузнецкаго Алатау ****); онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ островковъ, скученныхъ на площади верстъ въ 30—40 въ длину (по меридиану) и верстъ на 15 въ ширину. Въ этомъ, глухомъ еще пока, углу Томской губерніи, липа сохра-

нилась несравненно лучше, чѣмъ въ предыдущихъ мѣстахъ. Хотя и тутъ она растетъ по болѣе части въ смѣси съ другими деревьями, напр. пихтой, березой и осной, но нѣредко образуетъ и почти чистыя рощицы изъ довольно крупныхъ деревьевъ (рисун. 1), достигающихъ 7—9 саж. высоты и 6—12 вершк. въ поперечникѣ ствола; среди нихъ попадаются изрѣдка и болѣе крупныя экземпляры до 12 саж. выс. и 4—5 четвертей въ діаметрѣ комля (рисун. 2), а по рассказамъ обывателей бывають и великаны со стволами—до 1½ арш. толщины. Обильное потомство, производимое ею здѣсь какъ при помощи свѣянъ, такъ и отводковъ, а также и нѣкоторая приспособленность къ существующимъ физико-географическимъ условіямъ, выразившаяся въ кой-какихъ особенностяхъ ея анатомическаго строенія,—указываютъ на усиленное стремленіе этого дерева отстоять тутъ свое существованіе.

Эти липовыя рощицы изъ стройныхъ деревьевъ съ яркой зеленою листвою, усѣянныхъ съ половины лѣта массой хоти и не блестящихъ, но зато душистыхъ цвѣтковъ, вносятъ въ ландшафтъ нѣчто своеобразное, неповторимое гармоничное съ остальной, преобладающей въ этихъ мѣстахъ, тайгой. Эта особенность выступаетъ еще рѣзче, если приглядѣться попристанбѣ къ остальнымъ растеніямъ, составляющимъ травянистый покровъ въ этихъ лѣсахъ, а также и по сопоставу съ ними. Среди нихъ наблюдатель съ удивленіемъ замѣчаетъ немало (около двухъ десятковъ) такихъ травъ, которыя, также какъ и липа, являются необычными для Сибири, но широко распространенными въ чернолѣсѣ Европы или крайняго востока Азіи. Такъ напр. тутъ въ обиліи встрѣчается *копыленъ* (*Asarum europaeum*), *подслыникъ* (*Sanicula europaea*) и нѣк. др. растенія, совершенно отсутствующія во всей остальной Сибири, но обыкновенныя въ Европѣ; не рѣдко тутъ *пахучая коренишка* (*Osmorhiza amurensis*), обитающая, кромѣ этого пункта, только въ Манчжуріи и Амурскомъ краѣ. Есть нѣсколько растеній общихъ этимъ отдаленнымъ областямъ, т. е. Европѣ и крайнему востоку Азіи; наконецъ замѣчаются и такія, напр. папоротникъ *Aspidium aculeatum*, который кромѣ указанныхъ областей, встрѣчается спорадически еще въ Малой Азіи, сѣверной и южной Африкѣ, въ сѣвери и тропической Америкѣ, въ Новой Голландіи, Новой Зеландіи и на нѣк. другихъ островахъ Австраліи. Такое островное нахожденіе растенія въ разныхъ частяхъ свѣта и въ весьма различныхъ климатахъ—фактъ рѣдкій и замѣчательный, наводящій на размысленіе; объяснить такое распространеніе растенія несомнѣнно дикаго, т. е. не культурнаго и не сорного, при современныхъ, существующихъ на землѣ условіяхъ, невозможно; но оно становится понятнымъ, если принять, согласно съ указаніями геологическихъ фактовъ, сплошное, широкое распространеніе такихъ растеній по земной поверхности въ прежнее время.

И такъ на Кузнецкомъ Алатау разыгрывается теперь послѣдній актъ минувшей исторіи Сибирской флоры; тамъ мы можемъ еще созерцать ея послѣднихъ представителей въ лицѣ липы съ указанными ея спутниками, но повидимому не надолго. Тѣхъ усилій, которыя затрачиваются этимъ деревомъ на сохраненіе своего существованія при медленно измѣняющихся условіяхъ, не хватитъ, когда этихъ глухихъ мѣстъ коснется современная человѣческая культура. А между тѣмъ она уже надвигается и властно требуетъ себѣ мѣста. Подъ ея неумолимой рукой быстро рѣдкѣютъ лѣса, нарушаются бывшія условія страны, при которыхъ еще теплилась жизнь ея аборигеновъ, и эта жизнь мало-по-малу загаснетъ; безжалостно погнѣбитъ липа съ своими сотоварищами, подобно тому, какъ рано или поздно сойдеть тутъ со сцены и блудавшій по ея лѣсамъ инородецъ-теленитъ.

П. Крыловъ.

Изъ „міра отверженныхъ“.

Къ рисунку „Бродяги“.

Осенъ. Листья уже осыпались и деревья плачевно протягиваютъ свои голыя вѣтки къ хмурому, дождливому небу, что, какъ стрѣло покрывало, низко нависло надъ еще болѣе стѣрой землей.

Изъ кустовъ прибрежнаго явняка на песчаный бугоръ, торопыливымъ шагомъ, выходятъ двое: Одинъ—высокій и тощій, съ сѣдыми усами, въ шапкѣ и крестьянскомъ армякѣ, по походкѣ и выправкѣ, видимо—бывшій солдатъ.

Другой—пониже, въ какой-то коротенькой женской кацавейкѣ—на головѣ у него истрепанный городской картузикъ, ноги въ опорахъ, у пояса повисивающіе привязанный котелокъ. Лицо его, подвязанное грязнымъ платкомъ, носитъ слѣды боевыхъ знаменъ. Отъ сирого, пронзительнаго вѣтра съ рѣки онъ глубоко запряталъ руки въ рукава кацавейки и устало плагиаетъ за товарищемъ, по временамъ тоскливо поглядывая впередъ.

„Чортъ-бы его дралъ, это село“... ругается онъ:—почитай цѣлый день идемъ, а его все еще не видать... Отошлалъ, братъ, совсѣмъ“... добавляетъ онъ, обращаясь къ товарищу.

Высокій ничего не говоритъ, пристально вглядываясь въ зарѣчную даль своими зоркими ястребиными глазами.

Прокладая въ полномъ молчаніи еще съ полверсты. „Ну, теперь скоро и конецъ“,—восклицаетъ въ соикъ... „Видишь—вонъ налѣво... за косою черѣбей—это и есть деревня. А тамъ, братъ, у меня нѣтъ комья есть, обязательно почевать хотѣ въ баню да поустать. Можно будетъ и „пострѣлать“, народъ тутъ добрый—шагнетъ и коралковыя надають—ѣшь не хочю... Смотри, только не вдумай сбавлять, какъ вчера“—добавляетъ онъ, строго смотря на товарища.

Спутникъ его въ отвѣтъ что-то недовольно ворчитъ себѣ подъ носъ. Послѣднія слова товарища пришли ему очевидно не совсѣмъ по душѣ, вызвавъ непріятныя воспоминанія. На послѣднемъ станкѣ онъ, дѣйствительно, „попалалъ“, ставшій съ оплота сунувшагося мужицкую рубашку, въ чапину продать ее гдѣ либо по пути, но зоркій глазъ бабы замѣтилъ его продажу и сбѣжавшія на ея крикъ мужички здорово-таки напостыляли ему шею.

Но какъ было и не статься, когда вотъ уже двѣ недѣли въ карманѣ на гроша, а тутъ, какъ на зло, дождь, слякоть. Съ холоду такъ и подмыкаетъ выпить. Въ животѣ тоже не акти-какъ туго—подаютъ нынче бродягамъ плохо. Олорки—совсѣмъ разалазываются.

„Гѣбъ-то черту ничего...“—думаетъ онъ, съ завистью глядя на крикѣе бродни товарища. „Ишь, лопать-то какую справилъ—баринъ бариномъ илеть... Самъ лопитъ тоже обобралъ—какого набудъ челдона“ (мужика).

При этомъ мысли его внезапно принимаютъ другой оборотъ. „Эхъ! теперь челдонъ-то“...—думаетъ онъ. „Нажрался, поди, горячаго въ упоръ, да и валяется по печамъ“... При воспоминаніи о горячемъ, желудокъ его судорожно сжимается и онъ, чтобы заглушить голодъ, начинаеть рыться въ карманахъ въ надеждѣ отыскать хотя немного махорки, но, вспоминая, что карманы пусты и махорка давно уже въ докурена, онъ злобно плюетъ и громко выругавшись, спѣшитъ нагнать ушедшаго довольно далеко впередъ товарища.

Къ рисункамъ.

Иркутская духовная семинарія.

Зданіе семинаріи находится въ сѣверо-восточной части города Иркутска, то есть въ той части, которую пощадилъ большой пожаръ 1879 года, уничтожившій чуть не половину города,—значитъ зданіе это остается и теперь въ томъ видѣ, въ какомъ оно было тогда, когда въ немъ учился Шаповъ. Благодаря тому же обстоятельству бібліотека семинаріи одна изъ самыхъ большихъ бібліотекъ въ городѣ; тогда какъ всѣ другія бібліотеки сгорѣли, семинарская уцѣлѣла; по этому ни въ какой другой иркутской бібліотекѣ нѣтъ такихъ старинныхъ книгъ, какъ въ семинарской; въ рѣдѣ, напримѣръ, бібліи братьевъ Лихуды. Изъ иркутской семинаріи вышло нѣсколько сибирскихъ писателей: А. П. Шаповъ, М. В. Загоскинъ и С. С. Шашковъ. Жизнь въ иркутской семинаріи во время, приближительное ко времени Шапова, описана М. В. Загоскинъ въ его романѣ „Магистръ“. И самъ Шаповъ также напечаталъ небольшую замѣтку о семинарской жизни; эта замѣтка была напечатана въ газетѣ „Искра“ за тотъ годъ, когда Шаповъ жилъ въ Петербургѣ. Шаповъ описываетъ, какъ семинаристы проводили время и какія у нихъ были радости; рассказываетъ, какъ они получали изъ родительскихъ домовъ домашнія леченія, дѣлались имъ съ товарищами и чтобы какъ можно долѣе продлить наслажденіе, какъ они медленно ихъ уничтожали, обкусывая ихъ края замысловатыми фесто-нарами. Потомъ онъ описываетъ, какъ весной семинаристы уѣзжали на вакаціи. Изъ верховленскаго и забиралъ верховленскихъ дѣтей; изъ Иркутска до родной деревни они ѣхали въ телѣгѣ; на пути имъ приходилось пережидать въ бродѣ черезъ большую рѣчку; они принимали мѣры, чтобы во время переправы не подмочить вещей, болѣе, чтобы вода не перевернула телѣгу, а пережидая на другой берегъ благополучно мѣстѣ съ дьячкомъ плыи пѣсьевъ рекою на берегу Чернаго моря; „Помощникъ и Покровитель, бысть мнѣ во спасеніе“.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.

*) Правда липа встрѣчается еще и на окраинахъ Сибири, именно на дальнемъ востокѣ и въ западныхъ частяхъ Тобольской губерніи, но въ первомъ мѣстѣ, т. е. въ Амурскомъ и Уссурийскомъ краяхъ, она совместно съ другими широколиственными деревьями, образуетъ обширную окрестную лѣсовую, развитая здѣсь на югъ въ предѣлахъ Манчжуріи и Китая. На западѣ-же (Сибирь) работъ, ея обитанія, вѣдомости открытъ клановъ въ предѣлахъ Тобольской губерніи, составляетъ такое непосредственное продолженіе современной сплошной европейской области ея распространенія. Тамъ и здѣсь она находится при условіяхъ климата менѣе континентальнаго.

**) Въ 15 верстахъ юго-западнѣе Красноярска—на склонахъ невысокаго холма, ограничивающаго лѣвый берегъ р. Енисея, между рѣчками Караулинкой и Минусинкою, что противъ устья р. Мамы.

***) Въ Кузнецкомъ уѣздѣ Томской губ., по р. Удѣ—притоку р. Тугула, издавнаго гдѣ р. Чулымъ; верстахъ въ 20 на сѣверо-востокъ отъ д. Глазыриной и верстахъ въ 20 сѣвернѣе с. Тугулинскаго.

****) Верстахъ въ 50 южнѣе г. Кузнецка и въ 10—15 верст. отъ д. Кузнецоваго, по правымъ притокамъ р. Нюдомы—Тешу, Матусу и нѣк. др.